



**АЛЕКСАНДР ГАЛ
ГАЛИНА БАТУРИНА**

ВОЙНА W



**ВОЕННАЯ
КНИГА**

Галина Батурина

Война W

«Автор»

2025

Батурина Г. С.

Война W / Г. С. Батурина — «Автор», 2025

Эта книга не только о тяжелых буднях наших бойцов, но и об их тяжелых судьбах до войны, где у каждого своя история. Война многих изменила, закалила и сделала жестче, поменяла мировоззрение и восприятие мира. После окончания контракта многие вернулись обратно на СВО, отстаивать интересы нашей Родины и сдерживать натиск врага на новых территориях, многие остались в мирной жизни, но так же помогают фронту в виде гуманитарной помощи.

© Батурина Г. С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Война W	9
Война	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Галина Батурина, Александр Гал Война W

От автора

Приветствую тебя, дорогой читатель. Эта книга не только о тяжелых буднях наших бойцов, но и об их тяжелых судьбах до войны, где у каждого своя история. Война многих изменила, закалила и сделала жестче, поменяла мировоззрение и восприятие мира. После окончания контракта многие вернулись обратно на СВО, отстаивать интересы нашей Родины и сдерживать натиск врага на новых территориях, многие остались в мирной жизни, но так же помогают фронту в виде гуманитарной помощи.

Одним из таких стал и я, после окончания контракта я объединил небольшую группу небезразличных людей с активной жизненной позицией и основал группу под названием «Музыка Добрых Дел». Мы стали активно помогать бойцам в плане гуманитарной помощи и нужд, заниматься патриотическим воспитанием детей, проводить автопробеги по разным регионам страны, помогать семьям погибших и раненым ребятам. Хочу воспользоваться случаем и поблагодарить всю Команду за помощь и поддержку, сказать спасибо своей матери и всем близким за то, что даже в тяжелые моменты оставались со мной, отдельная благодарность семье Куценко, которая была со мной с самого начала нашей нелегкой работы, Марии З. за бессонные ночи, за ведение групп во всех социальных сетях, за отзывчивость и дружбу. Я благодарен всем, кто был с нами все это время, появилось очень много знакомств, мы повстречали тысячи небезразличных людей, которые, как и мы, готовы отдавать себя без остатка ради общей победы над фашизмом. Жизнь свела нас и с Дмитрием Шаминым, который сочинил гимн «Музыки Добрых Дел», и Галиной Батуриной, которая стала соавтором данной книги, это Люди с большой буквы, которые делают все для победы, доставляют гуманитарную помощь, пишут песни и стихи, посещают госпитали и разные участки фронта.

Раньше я был немного разочарован и думал, что в мире осталось не так много добрых людей, но я ошибался, и чем больше мы занимаемся добрыми делами, тем больше встречаем таких же людей, как и мы сами, которые объединяются между собой и становятся волонтерами, вяжут носки, предметы личного обихода, антидроновые одеяла, которые защищают бойцов от тепловизоров-коптеров врага, занимаются «медициной» и всем, что в итоге принесет нам нашу общую Победу, как это было всегда.

ГАЛ, 10 шо, 5-й взвод



1-й год волонтерской группе «Музыка Добрых Дел» (МДД)

Дорогой читатель, я бы хотела посвятить эту книгу всем нашим людям, чтобы помнили и никогда не забывали своих героев, тех ребят, которые ценою жизни защищают наш мир и приближают победу. Тема войны и противостояния всегда будет волновать сердца нашего народа, будь то война 1812 года, Первая мировая, Великая Отечественная война или специальная военная операция. Эта тема для меня, как и для многих моих соотечественников, особая, сложная, никогда не перестанет волновать людей, терзая израненную душу нашего мужественного народа. В нашей стране нет ни одной семьи, которой бы не коснулись войны. С детства нам привили эту память о подвигах наших людей, о чести и достоинстве каждого, и мы никогда не забудем, бережно охраняя память и передавая историю подвига нашего народа детям, внукам и правнукам. А сейчас, когда наша страна сплотилась в один кулак, от каждого из нас зависит судьба великой России и патриотическое воспитание нашего будущего поколения. Благодарю Александра за соавторство, для меня это огромная честь – написать книгу с автором-фронтником, с самого детства меня поражали эти люди, писавшие историю в прозе и с помощью рифмы прямо на полях сражений.

Спасибо и низкий поклон до земли всем: военнослужащим, находящимся сейчас на передовой, и мужественным мирным гражданам, работникам тыла, а также медицинским работникам – стойко выполняющим свой долг и меняющим историю, спасибо всем за доблесть, бесстрашие, за веру в Победу, за наше счастливое будущее!

Галина Батурина



Гал

Война W

Посвящается Александру Ерохину, позывной Гал
А в Бахмуте сегодня сильный дождь

Смывает кровь людей с окрестных улиц.

По телу, словно очередь, дрожь.

От выстрелов все птицы встрепнулись.
Руины здесь пустынно и мертвы,

Бредет глухая от контузии собака.

Умоемся дождем, по локоть все в крови.

Клеймом на сердце будет эта драка.

Я столько здесь похоронил своих парней.

О Господи! Как жить мне с этим дальше?

Спросил меня сегодня необстрелянный старлей:

– Как выйдем мы из этой лжи и фальши?
Я наложу себе повязки и бинты

На рваную, изрезанную душу.

А на груди моей звенят кресты.

Я клятвы данной не предаю и не нарушу.
Бредем среди разрушенных домов

Под музыку симфоний артобстрелов.

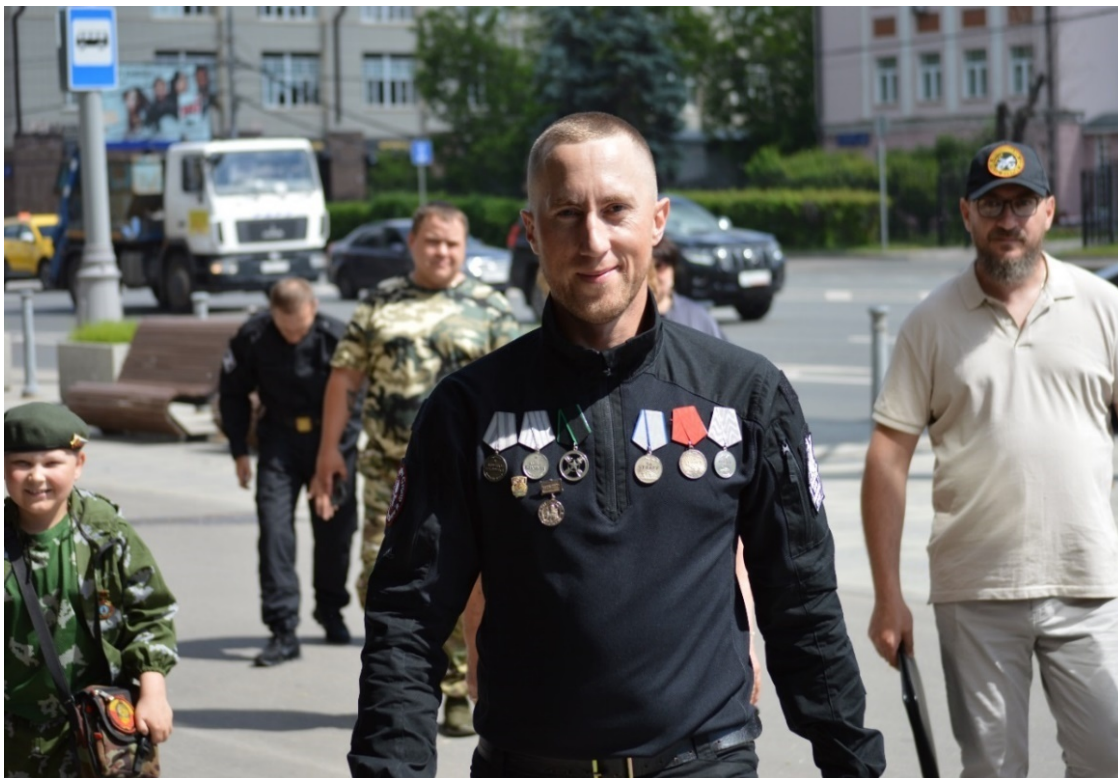
Дорогами тех дедовских фронтов,

Не убирая взгляда от прицелов.
В сырой земле сейчас тела наших ребят,

И флаги развеваются по ветру,

На обелисках парни строим все стоят,

Обороняя нас на каждом километре.



Война W

Автор: Александр Игоревич Ерохин

Позывной Гал

Я родился в городе Воскресенске Московской области на большой церковный праздник – Рождество Христово, 7 января 1988 года. Был добрым и отзывчивым ребенком, неплохо учился, занимался плаванием, ходил на карате. В возрасте 11 лет мои родители развелись, и это стало переломным моментом в моей жизни. Я озлобился на этот мир, связался с хулиганами, начали ездить на футбол, драться, выпивать, пропадать из дома неделями. Так продолжалось довольно долго, пока я не попал в тюрьму на большой срок. Мне дали семь с половиной лет строгого режима из-за наркотиков. Да, я перешел все грани и опустился до последней точки, фатальной ошибки, которая привела меня к заключению и потере отца. Меня посадили, и через два месяца умер отец. Он не выдержал этого позора, из-за стресса у него случился инсульт, потом сразу второй, и его не стало.

Я узнал об этом – и просто сломался. Отец был всегда со мной, и хоть я был сложным подростком и совершал необдуманные поступки, он был за меня в любой ситуации. Мы были не только отец и сын, мы были друзьями, я мог поделиться всем, что у меня творится на душе, и получить поддержку, он ругался, но ни разу меня не тронул пальцем, что бы я ни учудил. Отец был наидобрейший человек, никогда не врал, был душой компании и мог расположить к себе любого. Он мой кумир.

Новость о смерти отца была как гром среди ясного неба. Я перестал разговаривать, почти ничего не ел. Я сгорал со стыда и хотел умереть, жизнь больше была неинтересна, из-за моего халатного отношения к жизни я потерял самого любимого человека.

Время шло, началась СВО, и я услышал о ЧВК «Вагнер», о Пригожине и о том, что ребята показывают результаты, освобождая все новые и новые территории. Я не знал, заберут

ли нас, но каждый день я мечтал о том, что нам дадут шанс умереть Мужчинами, исправить все ошибки в жизни, отдав ее за Родину, за родных и близких.

Я был на промзоне в лагере, когда к нам в цех забежал парень и закричал, что Пригожин приехал. Радости моей не было предела. Нас всех собрали и озвучили, что мы можем искупить свои грехи, пойдя на СВО, что малы шансы вернуться и велики – умереть Мужчиной. Глаза горели в толпе собравшихся, было и радостно, и страшно, когда нас собралось больше ста человек у кабинета Пригожина. Я очень боялся, что меня не возьмут, но радости моей не было предела, когда он внес меня в списки.

Тридцать семь человек внесли в списки. Время замедлилось, и мы ждали, когда нас заберут. Тот момент я помню как сейчас – начальник колонии озвучил, чтобы мы готовились к отправке. Мы собрались за считанные минуты, и нас вывезли, посадили на самолет. Началась новая глава в жизни каждого из нас.

На войну шли по многим причинам: заработать денег, отдать долг Родине, искупить свои грехи, но я шел умирать. Я хотел погибнуть, чтобы на небесах встать на колени перед отцом и попросить прощения, обнять его в последний раз перед тем, как попасть в адское пекло.

Самолет приземлился, нас построили и завели в ангар, где нас переодели, а после посадили в автобусы и повезли на обучение. Я помню, как мы смеялись и радовались, не зная, что нас ждет впереди и сколько из нас сложат свои головы там.

Нас привезли в лес ночью, показали палатки, выдали автоматы. Началась подготовка, сложная, жесткая, но зато очень нужная. Я учился на сапера, но все мы были штурмовиками по своей сути. Дни проходили в тренировках: инженерка, саперное дело, стрельба, штурм в лесополосе и зданиях, медицина. Жесткая дисциплина закаляла боевой дух, были те, кто ломался, но большинство усваивало информацию и терпело изнуряющие тренировки.

В тренировочном лагере мы находились двадцать дней, после чего нас перебросили для дальнейшей работы на подступы к Бахмуту. Нас привезли ночью, выстроили по несколько человек и отправили с проводником на позиции. На Украине очень темные ночи, в полуметре ты не видишь ничего. Мы держались друг за друга одной рукой, другой – за идущего впереди, чтобы не потеряться и не наступить на растяжки и мины. Двигались мы очень медленно, постоянно падая и увязая в грязи. В декабре там очень холодно, шквальный ветер пронзал до костей, адреналин играл, но мы шли. Начало светать, и мы не успевали дойти до точки – коптеры противника могли нас заметить, и враг обложил бы нас из миномета, что, впрочем, и случилось. Провожающий закричал, чтобы мы бежали за ним и по его следам. Мы бежали в полном обмундировании и с комплектами БК, которые должны были донести до точки. Враг начал обстреливать нас со всех сторон минометами разного калибра, и «сто двадцатыми», и «восемьдесят вторым». Адреналин зашкаливал, и я бежал предпоследний, как и стоял в колонне. В начале колонны упал боец, подвернув ногу. Все пробежали мимо, и я его взвалил на себя, после чего мы ковыляли дальше. Он прыгал на одной ноге и стонал, в тот момент снаряд «сто двадцатки» разорвался в нескольких метрах от нас. Он упал в овраг, и осколки нас не задели, зато всплеск адреналина зашкалил у обоих. Боец еле ковылял, но после этого прилета он рванул так, что я его догнал только на воротах в штольне. Забежав туда, мы упали, кашель был слышан до Попасной, наверное. Ноги не слушались, а глаза закрывались от усталости.

Начались штурмы, мы захватывали позиции врага, жертвуя при этом десятками и сотнями жизней, но шли вперед, выполняя приказы. Однажды, сидя в окопе, мы с товарищем пережидали минометный обстрел. Количества разрываемых снарядов было не счесть, разрывы были впереди, сзади, справа и слева, и мы ждали, когда же очередной залетит прямо к нам. Мой товарищ был неверующим, он был родом из Башкирии, но не верил ни в Аллаха, ни в Бога, ни черта. Я сидел около входа в окоп, справа от меня горела лампада и стояла икона Николая Угодника. Товарищ сидел сзади, и каждый думал о своем. Обстрел не прекращался. Я просил отца забрать меня, хотел погибнуть, чтобы скорее с ним увидеться, повернулся, чтобы

взять сухпай, и увидел, как мой товарищ тихонько взял мою иконку, шевелит губами. Я тут же отвернулся, сделав вид, что ничего не заметил, а сам сижу, и так мне стало хорошо – я понял, что на войне нет неверующих.

В этой книге будет несколько моих историй, также истории парней, которые прошли нелегкий жизненный путь. Истории живых и тех, кто сложил свои головы на поле боя. Многие уже никогда не вернутся домой, но память о них останется в наших сердцах.

В начале марта нас вызвали в штаб и дали задание очистить от врага квадрат «Г». Было пять отделений, всем дали инструкции, и ночью мы выдвинулись на позиции союзников для дальнейшей зачистки. Передвигались мы по три человека, расстояние было порядка двух километров. Короткими перебежками, уставшие, но целые, мы дошли до союзников. Настало утро, и нам дали отдохнуть, чтобы в 5 утра следующего дня начать наступление. Мне и еще четырём командирам отделений были даны конкретные указания и порядок зачистки. Первый должен был выйти я со своими парнями из отделения «Сволочи 3», зачистить лицей и пятиэтажный Г-образный дом, состоящий из шести подъездов, по три с каждой стороны. Мы должны были закрепиться и прикрывать наших, заходивших за нами на другую точку. Я дал приказ отоспаться всем, а сам тем временем обдумывал план захода, прорисовывая все на листочке. Было много нюансов, и одни из них – это вражеские снайперы и расчеты пулеметов. Каково было мое состояние в 4 утра, когда командир вышел на связь и приказал нашему отделению заходить на другие точки третьими по счету? Я был в бешенстве – всю ночь я прорабатывал план, все распределил и продумал, и тут посылают других туда, где должны были работать мы. Парни забежали через лицей, зачистили его и вошли в пятиэтажку. Все было хорошо, пока они не переместились во второй подъезд. Парни решили не взрывать перегородку между подъездами и побежали от подъезда к подъезду, в чем и заключалась их главная ошибка. Когда группа перебежала, враг отработал по ним несколько раз из РПГ, выведя из строя больше половины отделения. Все остались живы, но ранения были у всех разной тяжести. Часть осталась в одном подъезде, другие лежали, истекая кровью, во втором.

Я связался с командиром и получил разрешение на их эвакуацию и дальнейшую зачистку территории. Мы быстро выдвинулись на помощь, расставив остаток отделения союзника, которое осталось в первом подъезде. Сами взорвали стену между подъездами и распределились – трое побежали наверх зачищать квартиры, точнее то, что от них осталось, мы втроем спустились вниз к раненым товарищам и оказали им первую медицинскую помощь. Мы закрепились и потихоньку эвакуировали «трехсотых», после чего начали зачищать следующий подъезд. Перегородки в домах толстые, и на это ушли все запасы пластида, чем я был очень недоволен, но приказ есть приказ. Три подъезда были под нашим контролем, и осталось ровно столько же. Время шло, и я, расставив всех по позициям на наше прикрытие, взял двух бойцов-саперов и штурмовиков и побежал в другой корпус из подъезда к подъезду. По нам отработали, но мы были уже в безопасности, наши парни прикрывали нас, обкладывая сотнями очередей из здания напротив, не давая противнику высунуть головы.

Мы зачистили все этажи, и нужно было двигаться к следующему, но это было очень опасно. В этот момент сапер напомнил, что у нас есть «ТМ 72» – противотанковая мина с весом взрывчатого вещества 7,5 кг. Это очень опасная игрушка, с помощью которой мы хотели сделать пролом в стене между подъездами для дальнейшей зачистки, чтобы не бежать по улице, будучи у врага как на ладони. Начали спорить между собой, сапер отказывался ставить ее один, ведь был нюанс, который заставлял задуматься, – у него остался огнепроводный шнур в 12 сантиметров, с помощью которого он хотел произвести детонацию этой мины. Скорость горения этого шнура составляет 1 см за секунду, так что после его поджога у нас было 12 секунд, чтобы убежать. Это было очень сложно, так как везде валялась мебель, стекло, мешал шкаф, который лежал в коридоре квартиры. План был такой: ставим заряд, бежим через коридор на выход,

минуя шкаф и все, что под ногами, бежим на верхний этаж в противоположную квартиру, где прячемся за стеной, и после взрыва бежим через пролом зачищать следующий подъезд. После долгих споров мы оставили бойца прикрывать нас, а сами пошли устанавливать заряд. Все шло гладко, адреналин играл в крови. Мы переглянулись и подожгли шнур. Мы неслись в полном обмундировании как два горных козла, я про себя отсчитывал 12 секунд. Когда мы вбежали в квартиру на этаж выше, я встал за первой стеной, сапер побежал дальше в комнату и кричал, чтобы я не останавливался. Я не мог перевести дыхание и досчитал уже до 16. Я уж подумал, может, не сработает, как сзади произошел такой взрыв, который остался в моей памяти навсегда. Я отлетел на несколько метров, поднялась пыль. Я перестал что-либо понимать и видеть, дышать было очень тяжело, в отдалении слышал крики и понимал, что это мой сапер. Он смеялся и что-то орал, мы были оглушены, но живы и целы. Прошло около получаса, пыль осела, и мы пошли на зачистку. Каково было наше удивление, когда мы обнаружили, что стена, на которой был установлен заряд, осталась стоять на месте, зато стену в конце коридора сдуло как листок на ветру – ни шкафа, ничего не осталось, и тут мы поняли, что с перепуга мы установили мину не той стороной. Взрывная волна была направлена не в стену, а в квартиру. Поругались друг с другом и побежали через улицу дозачищать дом.

Было много интересных и страшных историй, которые с нами произошли, может случиться так, что я их тоже напишу в следующей книге. Мое отделение вывело 32 мирных жителя из осажденных территорий, не потеряв при этом ни одного из бойцов.

Опишу еще одну историю, связанную с моим сапером. При зачистке точки «Г» в крайнем доме, который мы зачищали после вывода оттуда мирняка, мы наткнулись на одну дверь в подвале, которая была завалена досками, обломками стен и строительным мусором. Решили ее расчистить, и каково было наше удивление, когда мы нашли там склад продуктового магазина. Комната 6 на 4 метра была забита банками с фруктами, сгущенкой обычной и вареной, макаронами и крупами – чего там только не было. Напротив этого склада находилась дверь с огромным амбарным замком, которая не давала нам покоя – что же там могло находиться, если в этой комнате провизии на несколько месяцев? Мы пытались отстрелить замок, но он не поддавался, после чего нам не оставалось выбора, как прибегнуть к услугам нашего сумасшедшего сапера, которому было сказано несколько раз, что нужно подорвать замок аккуратно, используя минимум взрывчатых веществ. Сказано – сделано, мы ушли вглубь подвала на позиции. Тут произошел сильный хлопок, и мы поняли, что не видать нам сгущенки больше. Так оно и получилось – сгорело все, что только можно было, вот так мы и попрощались с теми вкусняшками, которых даже не попробовали.

Мой контракт был окончен 30 мая 2023 года, после чего я вернулся в мирную жизнь. Война не отпускала и не отпускает до сих пор, ситуация на фронте нелегкая, и мы решили заниматься гуманитарной помощью, создав небольшую, но значимую команду из тех людей, которым небезразлична ситуация в стране и на фронте. Я организовал десятки гуманитарных поездок, десятки автопробегов в честь погибших Воинов. Мы занимаемся патриотическим воспитанием детей в школах и разных учебных заведениях, и скажу, что это только начало нашей деятельности. Совсем недавно мы отметили год нашей команды, работа продолжается, много задумок и проектов. Мы патриоты своей страны и сделаем для нашей победы все, что в наших силах.

В феврале меня через командира вызвали в штаб на опознание бойца. Путь лежал от винного завода, где мы закрепились после его захвата, до точки эвакуации раненых, откуда меня на БМП должны были доставить в штаб и далее – к моргу. Приказ есть приказ, нам за

два часа нужно было пройти маршрут около восьми километров. Все бы ничего, но был день, и мы были как на ладони. Меня сопровождал боец, так как передвижения по одному были запрещены. Двигались мы перебежками, от укрытия к укрытию, через позиции союзника. Как и ожидалось, нас заметила «птичка» противника, и по нам был открыт огонь из 82-миллиметрового миномета. Нужно отдать должное их навыкам наводчиков, клали в нескольких метрах. Мы забегали за укрытия, выжидали прилет и мчали дальше. Между разрывами было секунд 40, мы бежали, отсчитывая это время до следующего укрепления. Мы пробежали уже метров 900, и перед нами лежала железная дорога метрах в 200. После нее метрах в 70 был сарай, единственное место, где можно укрыться. Мы понимали, что за 40 секунд такое расстояние не преодолеем, а враг не унимался, все сыпал и сыпал. Время шло, и нужно было двигаться, дотемна оставалось часа два, но вариантов дождаться темноты у нас не было, и мы побежали. Первый разрыв был от нас слева. Я бежал первый и слышал, что разрыв был сзади меня, слева, в овраге. Бежали, не останавливаясь, боец не отставал, но выдерживал дистанцию. Я перебежал железнодорожные пути, и тут мы услышали свист, и в ту же секунду снаряд воткнулся в трех метрах от нас. Я смотрел на него и не мог ничего сказать. Оглянулся на товарища, а он лежит на рельсах. И первое, что он спросил, было: «Гал, мы в раю?» Он был весь бледный, я предполагаю, что именно такой же был и я. Как он успел среагировать так быстро и упасть, я не знаю, но знаю и верю, что Высшие Силы, Ангел Хранитель и умерший отец охраняли и оберегали меня.

Сколько было подобных ситуаций, что, казалось бы, варианта нет, но я отделялся только контузиями и ушибами. Мы добежали до точки, на опознании я подтвердил личность нашего бойца. С него сорвали жетон и жестоко убили, он был из нашей группы, когда нас привезли к Бахмуту.

Многие не вернулись, но они всегда останутся в наших сердцах и рассказах.

Одна из историй мирных жителей заставляет задуматься и понять жестокость врага. Они переселились в подвал, когда снаряд попал в их балкон, обрушив часть стены дома, где они проживали – отец, мать и сын. Семья уцелела и была вынуждена спуститься в подвал для безопасности и ожидания, когда российские войска их спасут и выведут из этого ада. Время шло, подвал наполнялся все новыми и новыми жителями, раз в неделю туда приезжали вражеские командиры для поиска молодых людей, которых отлавливали и забирали в армию против их воли. В один из таких приездов нацистов родители так же спрятали сына и ждали, когда они осмотрят подвал, как это было не раз, и уедут. Но тут кто-то из мирных, находящихся и проживающих в этом подвале, затаив обиду, сдал парня. Его нашли и подвели к родителям, майор достал пистолет и сказал парню, что есть только два выхода, либо он идет на войну на стороне ВСУ, а его родители остаются тут, либо на его глазах застрелят мать, потом отца и все равно заберут на войну, держа пистолет у лба его матери, – выбор был очевиден. Парень сохранил жизнь родителям...

Мне повезло, и я остался целым и живым, но не все так радужно в этой книге, как и на войне. Мы потеряли тысячи пацанов, наших братьев, которые уже никогда не вернуться к своим матерям и не обнимут их, не поцелуют своих жен и не отведут своих детей в садик и школу. Напишу одну историю, которая произошла с нами зимой 2023 года, после того как мы захватили винный завод и укрепились в нем. Союзники начали работу по продвижению фронта, а мы прикрывали их с правого фланга. Первый и второй штурмы были неудачными – враг не подпускал их и косил, как коса траву, артиллерией, пулеметами и бесчеловечной работой снайпера, который стрелял в пах и выжидал, когда за раненым бойцом подойдет подмога, которую он уничтожал. Союзник взял передышку, чтобы провести ротацию и проработать план захвата вражеских укреплений. Мы находились все там же, на заводе. Время от времени по нашим позициям прилетало. Одного, помню, зацепило и вырвало скальп осколком, после чего на два дня противник о нас как бы забыл. За 48 часов по нам не было ни единого выстрела, ни

одного прилета миномета. Это было очень странно, и мы чуть расслабились. Вечером в 22:00 я заступил на «фишку» у окна, через которое враг мог проникнуть к нам, второй боец стоял на «фишке» с другой стороны позиции. Было спокойно, и скоро нас должны были поменять, как вдруг мы услышали оглушающий прилет в нескольких метрах от нашего завода слева, через несколько секунд второй прилет был справа от меня, недалеко от моей «фишки». Помню, что дверь между окном и мной разлетелась в щепки, меня отбросило в дверной проем, где спал мой командир. От первого прилета он проснулся и вышел ко мне посмотреть и узнать обстановку, как вдруг второй прилет – и навстречу лечу я. Меня отбросило взрывной волной на командира, лампадку задуло, и я ничего не мог видеть. Оглушило так, что третий прилет я слышал как будто вдалеке. В отдалении кричали люди. Мы поднялись и пошли на ощупь вглубь завода, где спали бойцы. В нос забивалась пыль. Кто-то включил фонарик, и мы мельком увидели, что от двух стен остались только развалины. Заставили выключить фонарь. Четвертый прилет был в цех, где спали парни. Несколько раненых и убитых, посчитать мы не могли, свет включать нельзя, и мы отошли в правый угол здания, где был завален выход.

Наутро мы увидели разорванные тела парней, точнее то, что от них осталось. Сложили останки на носилки и вызвали группу эвакуации. От нашей позиции остались одни развалины, и нам приказали отступить на 30 метров на точку перед заводом. Мы укрепились там, переваривая в себе эту ночь, вспоминая о ребятах, души которых остались на этом заводе.

Война – это страшно, страшно видеть людей и детей, которые живут в подвалах месяцами, в таких условиях, что не пожелаешь и врагу. Страшно терять своих близких и товарищей, с которыми недавно пил чай и делил сухпай, страшно, что в такие моменты ничего не можешь сделать и повернуть время вспять.

Когда мы заняли крайнюю точку в квадрате «Г», там были мирные жители, о которых я писал выше. Так вот, после зачистки данного дома мы должны были эвакуировать людей до точки сбора. Выводить первую колонну пошли мы с Джони: в голове шел я, после мирные жители пожилого возраста со своими небольшими пожитками, замыкал Джони. Нам нужно было выйти из подвала, заскочить в подвал другого дома, потом в гаражи, лицей и перебежать через перекресток в подвал, где ждала группа эвакуации. Мы пробежали подвал второго дома, выскочили к гаражам, и пока я подсаживал в окно бабушек, сзади прозвучало два сильных хлопка. Сердце ушло в пятки, я молился, чтобы все были целы, и начал звать шепотом Джони. В ответ тишина. На улице темень, что хоть глаз коли. Я сказал двум бабушкам, которых посадил в окно, чтобы ждали и никуда не двигались, а сам пошел обратно. Как я обрадовался, когда нашел всех живых и здоровых в гаражах. Джони не растерялся и всех затолкал туда. Одна бабушка несла с собой икону Николая Угодника и постоянно молилась. Они были живы, и это самое главное.

По одной мы перевели их до окна, посадили и двинулись дальше. На выходе из лицея нам оставалось только пересечь перекресток и забежать в безопасный подвал. Мы разбили бабушек по парам, и я начал переводить их через перекресток, стараясь держать между нами расстояние в три метра. Первых доставил в подвал, побежал за вторыми, взял у них пакеты, чтобы ускорить процесс перебежки. Бежим со скоростью черепахи, как одна из бабушек падает на колени в центре дороги и начинает плакать и причитать, чтобы ее убили. Сказать, что я был в бешенстве, не сказать ничего – я довел бабушку, которая шла позади, до места, и побежал за той, которая осталась на дороге. Подхватил ее под мышки и еле доковылял с ней до места. Она устала, и у нее случился нервный срыв, она хотела умереть, и сама не поняла, что своим поведением подвергла других опасности. Мы зашли в подвал, и я упал. Я не мог дышать, не мог ничего говорить, силы оставили меня, стресс и адреналин сковали мои легкие и ноги. Переведя дыхание, я дал команду Джони, и он привел остальных.

Мы сидели измотанные, как после боя, молчали и наблюдали за группой эвакуации, как парни досматривают мирных, оказывают кому-то медицинскую помощь. Каждый был занят своим делом, вдруг в глубине подвала мы увидели маленький силуэт, когда туда попал луч света от фонаря одного из бойцов. Мы переглянулись, зажгли свои фонарики и пошли туда. И правда – там стояла девочка, которая обернулась к нам с улыбкой до ушей и звонким голосом сказала: «Привет!» У нее в руке была собачка, девочке было на вид лет семь, длинные белые волосы, голубые глаза и улыбка до ушей. Мы переглянулись и пошли в сторону выхода. Девочка что-то крикнула, но мы не оборачивались. Слезы проступили у обоих, ведь это очень страшно – видеть в таких местах детей. Мы подошли к командиру эвакуационной группы, который нам рассказал, что одна из групп вывела девочку вместе с мамой и папой из освобожденного от фашистов подвала, даже их собачку спасли и вывели вместе с семьей. Мы попрощались с бабушками, которых освободили, и выдвинулись на позиции.

На одной из позиций, где базировалось наше подразделение – это был деревянный полуразрушенный дом, – мы увидели двух куриц, которые бегали на участке напротив. Наш доблестный пулеметчик поймал этих кур и посадил в клетку. Они были худые, и он начал их подкармливать, чтобы потом, соответственно, употребить в пищу, ведь горячего свежего мяса там очень не хватает. Прошло несколько дней, все шло хорошо, пулеметчик их откармливал как на убой тем, что находил в подвале и сараях ближайших домов, как в один из дней по чистой случайности к ним в клетку прилетел 82-й снаряда, и от куриц остались только перья. Нужно только было видеть выражение лица бойца, когда он это увидел. Мы два дня потом слушали, как он будет уничтожать голыми руками врагов за это, проклиная их нецензурными выражениями. Разные были случаи, и смешные, и грустные, но как бы ни было, мы всегда были друг за друга.

Война

Непохожая, разная, новая,

Застучала, забегала строчками.

Побледневшей, сухой, сломленной

Не забыла, забила лишь точками...

Неужели не в силах справиться?

Сердце ранено, обесточено,

Белой простыней накрывается.

В деревянный футляр заколочено.

Что же, братцы, мы с вами наделали,

И о чем писать будем летопись?

Видно, мысль еще незрелая,

Боевые награды, живопись...?

Не тому нас учили – мучили,

Не за то сражались, бились,

Уничтожили, рвали, путали,

Но стояли, звали, молилися.

Удержали, не дали, на смерть шли...

Не сдавались, вставали, падали...

Наши души, дома, деревни жгли...

Смертью, страхом, оружием, «градами»...

Растрепали, развеяли, растрясли...

Души павших рождались заново...

УДЕРЖАЛИ ВСЕМ МИРОМ, МИР СПАСЛИ!!!

Не нарушили слова данного!

26.05.2014

Рисунок-графика, формат А3,

художник: Батурина Галина.

Стихотворение и этот рисунок были

сделаны 26 мая 2014 г., в этот день

украинские нацисты начали бомбить Донецк

Был я изначально в 7-м штурмовом отряде. Приехали мы в поселок Долгое или Доброе, точно не помню. Нас было 46 человек, и еще 50 уехали в поселок Желтое. Наша задача была растянуться на 10 километров и выстроить линию обороны, так как вдоль реки Северский Донец, по данным разведки, «укропы» должны были осуществлять прорыв. В итоге наше подразделение сменила Росгвардия, и нас в срочном порядке эвакуировали на направление Житловка – Кременная – Чернопоповка, в помощь Министерству обороны, так как у них возникла брешь в обороне и ВСУшники могли прорваться. Меня и со мной 46 человек привезли на какую-то стратегически важную лесополосу протяженностью 1 километр 700 метров. Через нее проходили линии электропередач, то есть никак нельзя было отдать эту лесополосу.

«Веселье» началось уже на подъезде. Для начала, когда подъезжали на позиции, нас обстреляли из минометов. С Божьей помощью нормально добрались до позиции. Было уже темно, вылезли и выгружались в быстром порядке, разбирая боекомплект и все остальное. Ночью особо ничего было не видно, но противник встретил нас «торжественно». Выехал танк и обстрелял позиции ополченцев из 155-й бригады, очень много было «двухсотых», еще больше «трехсотых», но из наших 46 человек, слава Богу, было только двое «трехсотых». Нас быстро распределили по группам, и мы разбежались. Получилось так, что мы были как раз прямо посередине этой лесополосы, и нас сразу предупредили о том, что у нас есть время до утра окопаться. В конечном итоге до утра мы успели. Утром опять выехал танк и начал обстреливать, ведя огонь на протяжении 2 часов без остановки. Он выбил почти все начало лесополосы, и от нее остались только угольки и пеньки.

Утром, когда было затишье, я со своим товарищем решил пройтись по позициям, посмотреть, кто из наших ребят остался жив. Слава Богу, наши все были живы, но немало оказалось погибших ополченцев и парней из 22-й и 155-й бригад. На тот момент наша задача была не отдать эту лесополосу, и у противника не получалось прорвать нашу оборону. Мы очень хорошо сработались с ребятами из 55-й бригады и очень много пожгли техники. Между нами, то есть между нашей и их лесополосами, было поле длиной где-то 600–700 метров. После того

как спалили им 2 танка и 4 БТР, украинцы уже так нагло не выезжали и так сильно не обстреливали, стараясь действовать втихаря. Наше руководство на тот момент нас потеряло, то есть две недели мы находились вообще без провизии, без воды, без сигарет. С нами ополченцы делились своей едой. Да и пути снабжения были отрезаны, ВСУшники постоянно отрабатывали по путям подвоза, и очень сложно было привезти провизию. Две недели приходилось есть то, что имелось: хлеб с водой, периодически доводилось пить воду из лужи. Иногда набирали воду из-под подбитого танка: в нем была глубокая дырка, и через нее пили воду, грубо говоря, с соляной вперемешку. На протяжении двух месяцев вот так и жили в земле, не моясь, не сменяясь. Только спустя два месяца нас, наконец, сменили и отвезли в деревню Чернопоповка, так как ее уже зачистили, и она была наша.

После четырех дней помывки и отдыха приехало руководство и в срочном порядке сказало через час быть в боевой готовности. Мы погрузились, и нас в количестве 100 человек перебросили на Лисичанский нефтеперерабатывающий завод, в резерв 5-го штурмового отряда. Завод был уже наш. Там нас распределили по группам и отвезли в лесополосу. Наша задача была зачистить ее и продвинуться в сторону деревни Золотаревки. Нас отвели на позиции, и мы разошлись по окопам, поспали пару часов, после чего по рации пришел приказ: пора было готовиться к «накату». Время было четыре часа утра. Мы быстро выдвинулись семью группами, чтобы проскочить так называемую «тешку». Мы зашли тихо, нас никто не заметил. Ребята, которые уже взяли украинские окопы, закрепились, дальнейшая наша задача была пройти дальше и закрепиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.